

Т.И. Герасименко

Оренбургский государственный университет

ЭТНИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И ЛАНДШАФТ: ГРАНИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Роль ландшафтов в формировании этнической культуры, внутриэтнических различий и межэтнического сходства не отрицают даже «геонигилисты», разногласия касаются степени влияния. Не только этносы, характеризующиеся «жесткими» связями с природной средой, адаптируются в ландшафтах и видоизменяют их, формируя сложнейшую систему связей с природой. Культурные ландшафты имеют этническую окраску и в сходных природных условиях в мультикультурных регионах. Вместе с тем, в однородном ландшафте неизбежна конвергенция культур. Изменчивость этнокультурного пространства под влиянием ландшафтов проиллюстрирована конкретными примерами.

Ключевые слова: *этническая культура; адаптация в ландшафте; конвергенция культур.*

T.I.Gerasimenko

Orenburg State University

ETHNIC CULTURE AND LANDSCAPE: ASPECTS OF INTERACTION

The landscapes role in shaping the ethnic culture, internal ethnic differences and ethnic similarities is recognized by researchers in different directions. The controversy relates to the degree of its influences in these processes. Not only ethnic groups characterized by «hard» connections with the natural environment adapt to the landscape and alter them, forming a complex system of relations with nature. Cultural landscapes also have ethnic overtones also in similar natural conditions in multicultural regions. However, in a homogeneous landscape the convergence of cultures is inevitable. The variability of ethnic-cultural space under the influence of the landscape is illustrated by concrete examples.

Keywords: *ethnic culture; adaptation in the landscape; the convergence of cultures*

Роль ландшафтов в формировании и развитии этносов и этнических культур признается многими исследователями [10, 11, 15, 16, 18, 26 и др.], многочисленные споры вызывает лишь степень его влияния. Не имея возможности в рамках статьи проанализировать все точки зрения, остановлюсь коротко лишь на некоторых. На крайних полюсах — сторонники геодетерминизма, в рамках которого первоначально складывалась культурная география, и культурного детерминизма, односторонне рассматривающего преобразующее влияние культурных факторов на природу; между ними — умеренные взгляды посшибилистов. Существование разных, зачастую противоположных концепций взаимодействия

культур и ландшафтов предопределено сложностью объекта исследования.

Так, согласно гипотезе жестких культурных границ в рамках концепции изоляционизма [6, 14, 24], культура привязана к определенным ландшафтам, а роль природных факторов в дифференциации культурного пространства и формировании ценностных различий — определяющая. На детерминированность культуры природными особенностями указывают многие авторы.

Особое значение взаимодействию этносов с ландшафтами, наряду с межэтническим взаимодействием, придавал Л.Н. Гумилев [5]. Вслед за ним его последователи [21, 9 и др.] жестко привязывают этносы к ландшафтам, считая, что существование популяции вне зоны немыслимо, а все precedents это редкие исключения. Так, К.П. Иванов утверждал, что ландшафт действует на этнос принудительно, а смена ландшафтов приводит к смене стереотипов поведения и возникновению новых суб-

© Герасименко Т.И., 2018

Герасименко Татьяна Ильинична,
д. геогр.н., профессор,
зав. кафедрой географии и регионоведения,
Оренбургский государственный университет
tanyag26@yandex.ru

этносов или даже этносов. Этот автор приводит многочисленные примеры этнической трансформации в результате влияния ландшафтов (и других этносов). Так, долгане образовались на Таймыре в результате смешения северных якутов, «объякученных» тунгусов (эвенков) и старожильческого русского населения. По его мнению, современная промышленная цивилизация обречена и не исчезает лишь из-за беспрецедентных темпов ограбления накопленных биосферой ресурсов, а этнос «...не есть общность духовная или политическая, это общность природная». В продолжение темы С.Б. Потахин замечает, что уничтожение этносами «вмещающего ландшафта» или войны ведут к полному исчезновению этноса, ассилияции, миграции, смене этнического типа природопользования [17].

Многие культурные особенности россиян определяет нулевая изотерма января, которая отделяет Западную Европу от России и представляет собой границу качественного скачка в климате, детерминировавшего разные формы адаптации. У этой точки зрения есть сторонники. По сути дела продолжает развивать идеи Л.Н. Гумилева автор теории рубежной коммуникативности В.А. Дергачев [7]. Он считает маргинальные зоны граничные поверхности интенсивного взаимодействия природных, экономических, этнических и информационных процессов важными элементами, развитие которых приводит к изменению «пространственной организации земной поверхности». Фактически речь идет об этноконтактных зонах, в пределах которых происходит наиболее интенсивное взаимодействие. По мнению этого автора, географические условия, наряду с другими процессами, способны влиять на ход исторических событий, характер законов общества, нравы людей, род их занятий и т.д.

Известны концепции связи этногенеза с тектонической активностью геологических структур [23], с природными ритмами. Перечень взглядов на данную проблему можно было бы продолжить.

Сторонники геодетерминизма подчеркивают важность разнообразия ландшафтов для этногенеза, утверждая, что зарождение этносов и исторические судьбы человечества связаны лишь с сочетанием ландшафтов (по терминологии Ф. Клементса с экотонами). Народы, населяющие монотонные ландшафты, стабильны и в этническом, и в социальном плане. В региональных экотонах рождаются новые культуры и новые государства. «...Монотонный ландшафтный ареал стабилизирует обитающие в нем этносы, разнородный — стимулирует изменения, ведущие к появлению новых этнических

образований» [5, с. 192]. Есть мнение, что культура этносов, обитающих в контрастных условиях, более восприимчива к новациям, лояльна к образу «иных». К примеру, хакасы, обитающие в контрастных условиях, использовали новации пришельцев как толчок для собственного развития. Верно и обратное — однородные условия формируют неприятие «других».

С особенностями ландшафтов связывают стереотипы поведения этносов. По образному выражению Н.А. Бердяева, немец всюду видит и ставит границы, русская душа «ушиблена природой» и безграничностью, а китаец всюду видит китайца [1].

А. Тойнби [21] и П.А. Сорокин [20] — сторонники взглядов на культурное пространство как более подвижное и динамичное, не столь жестко привязанное к ландшафтам и не ограниченное жесткими барьерами. По А. Тойнби, цивилизация в принципе может зародиться в любых природных условиях, а стимулом для ее развития может быть «неблагоприятное окружение», поскольку прогресс связан со способностью находить ответы на разного типа вызовы, в том числе вызовы суворой природы.

Можно дискутировать по каждой из этих точек зрения. Бессспорно одно: весь уклад жизни любого этноса так или иначе связан с ландшафтами. Следует признать, что для традиционных обществ ландшафт — действительно мощный фактор формирования. Однако для техногенных цивилизаций его роль не так велика. В современных условиях интернационализации и массовых миграций связь между этносом и ландшафтом опосредована, а смена ландшафтов не обязательно ведет к этнокультурной трансформации и смене этнической идентичности. Тем не менее, сохраняющееся этнокультурное разнообразие в значительной степени обусловлено спецификой природных условий.

Этносы адаптируются к природной среде, преобразуя её и формируя сложнейшую систему связей — особую в каждом регионе, что и является одним из важнейших факторов формирования региональной этнокультурной специфики и региональной идентичности. Это особенно важно для этносов, отличающихся «жесткими» связями с природной средой, но проблема шире. Корректно говорить не о детерминизме, а о взаимном влиянии этносов и природной среды, к которой они адаптируются. На зональность и региональность этого сложнейшего процесса указал, например, Ю.Д. Дмитревский [6].

Ландшафты предопределяют многие черты культуры этноса (следует различать это понятие с этнической культурой: культура

этноса имеет заимствования и региональную специфику). Так или иначе, связан с ландшафтами весь уклад жизни населения. Природные условия и природные материалы оказывают влияние на все составные части культуры: артефакты, социофакты и ментифакты. Они во многом предопределяют архитектурно-планировочные традиции и градостроительные особенности (те же луковичные купола в России вместо заимствованных сферических из Византии, не выдержавших «испытания осадками»), предметы быта, пищевой рацион, одежду, моду, орудия труда, характер землепользования, специализацию хозяйств, сезонность работы, системы жизнеобеспечения, особенности воспитания, менталитет, миропонимание, этнонимы и топонимы, восприятие пространства, национальный характер, религиозные воззрения и т.д. (см., в частности, [3]). Разумеется, детерминированность более всего прослеживается в сельской местности, но и городским жителям не удается избежать влияния природной среды. Это выражается не только во внешнем облике поселений, особенностях кухни и одежды, даже моды (в Сибири зимой предпочитают изделия из длинного меха не из прихоти, меховую одежду носят не только обеспеченные жители), но и в образе и укладе жизни. К примеру, оренбургские чернозёмы и климатические условия «приучили» жителей всех национальностей и социальных слоев (как селян, так и горожан) к возделыванию садово-огородных участков.

Сформированные под воздействием ландшафтов черты довольно устойчивы: в результате перемещения в иные ландшафты частей того или иного этноса их традиции природопользования долгое время сохраняются. Но со временем происходят заимствования и приспособление к новым условиям даже стабильных экистических особенностей и хозяйственных навыков. В итоге границы архитектурных групп определяются не этническими, а природными различиями (например, «степная» и «лесостепная» традиции).

Проиллюстрирую выше сказанное на примере этнокультурного Оренбургско-Казахстанского (ныне трансграничного) региона. Он формировался в процессе колонизации в маргинальной (контактной) зоне, на стыке культур (кочевой и оседлой; исламской и христианской), ландшафтов (лесных, степных и полупустынных; пойменных и водораздельных; равнинных и низкогорных) на протяжении длительного временного периода. Формы колонизации предопределялись географическими условиями и межэтническими контактами колонистов и автохтонных этносов, которые неизбежны даже в случае изоляции

нистской политики той или иной этнокультурной группы. Яркие примеры — безуспешная попытка немцев-менонитов и староверов сохранить свою культуру путем изоляции. Процесс формирования этнокультурного региона происходил вне «месторазвития» (родины) колонистов, что и послужило главной причиной региональной этнокультурной специфики каждого из проживающих здесь этносов (т.е. региональных этнокультурных общностей), общих региональных культурных черт, а также ярко выраженной, наряду с этнической, региональной идентичности.

Наличие региональной идентичности в России ставится под сомнение некоторыми авторами. Однако идея аспатиальности российского пространства [19] не отражает реальной ситуации. Региональная идентичность в России не демонстрируется, как во многих зарубежных странах, где укорененность сопровождается патриотизмом, любовью к малой родине и гордостью за нее и за региональные бренды. Во многих странах мира в каждом городке и даже на каждой ферме жители гордятся своей принадлежностью к этнокультурной группе, местности искренне считают производимые у них вино, сыр, мёд и пр. лучшими в мире. В России нередко люди стесняются своего провинциального, особенно сельского, происхождения и стараются не афишировать региональную, конфессиональную, этническую и другую идентичность. Это не означает её отсутствия, а связано с усиливающейся поляризацией российского пространства по линии центр-периферия (на разных уровнях) и расслоением российского общества, приводящим к перемещению больших масс населения, а также с ксенофобией и снобизмом, которые, к сожалению, являются реальностью российской действительности. Региональная идентичность — это отражение территориальной структуры геопространства, и, как положительный либо отрицательный образ территории, она обусловлена экономико-географическим положением — столичностью, периферийностью, маргинальностью, приграничностью. Она сформирована там, где есть для этого территориально (само)организованная основа — например, единый этнокультурный территориальный комплекс (ЭТК) в Оренбургско-Казахстанском регионе [4].

Варианты и специфику взаимодействия этносов, толерантность среды формирующейся региональной культуры и территориальную структуры региональной общности предопределяет знак комплиментарности (плюс или минус). Комплиментарность (от фр. *compliment* — похвала, лестное выражение) — по Л.Н. Гумилеву, подсознательное ощущение взаимной симпатии или антипатии и общно-

сти людей, определяющей деление на «своих» и «чужих». Это понятие следует отличать от понятия «комплементарность» (от латинского *complementum* — средство пополнения), или взаимодополняемость, используемого, например, в биологии. Благодаря контактам и взаимодействию культур даже при простом сосуществовании этносов и отсутствии насилиственных действий неизбежны заимствования и сближение этнических культур. Этнические общности сформировали мироощущение на основе отношения к соседним народам как к равным. Положительная комплементарность явилась причиной формирования дву- и многонациональных поселений. Для них характерны нейтральные этнические контакты при сохранении своеобразия («ксения» по Л.Н. Гумилеву) либо взаимополезные («симбиоз»). Примером ксении могут служить взаимоотношения между башкирами и русскими, а симбиоза — между башкирами и немцами-меннонитами. Русские, украинцы, казахи в ряде случаев селились в одних населенных пунктах. Башкиры хорошо уживаются с немцами и русскими, но дистанцируются от татар, резонно опасаясь ассимиляции с ними. В результате межэтнического взаимовлияния и взаимодействия с ландшафтом образуется региональная динамическая этноландшафтная система, лежащая в основе ЭТК. Новое качество населения приводит к трансформации идентичности.

Современные этнокультурные ареалы формировались в ходе синхронного и диахронного взаимодействия этносов. Контакты культур первоначально были нерегулярными или стихийными (войны). Часто происходила ожесточенная борьба за земли, ресурсы, господство в регионе. В определенные периоды с территории исчезали целые народы, однако они так или иначе влияли на культуру современных этносов и оставили культурный след в облике территории и топонимии. Постепенно обстановка стабилизировалась. Этносы рассматриваемого региона не были несовместимыми, и в этом заключалась важная причина того, что этнокультурная среда на протяжении всей истории в маргинальной этноконтактной зоне была толерантной. Взаимодействие, взаимопроникновение и взаимовлияние происходили на протяжении всего длительного и сложного процесса формирования этнокультурной географии политэтнического региона, для которого были характерны разные формы взаимодействия, в том числе (по П. Хаггету [25]) ассимиляция (поглощение), амальгирование (смешение, наложение), нивелирование, сосуществование и сотрудничество культур, что способствовало формированию общих куль-

турных черт и регионального самосознания населения.

Со временем региональные этнические контакты интенсифицируются, в том числе межпоселенные, это приводит к образованию устойчивых пространственных связей. Усиливаются ассимилятивные процессы и метисация, следствия межэтнических браков, а в ряде случаев происходит слияние этнокультурных групп, но это скорее исключение, чем правило. Наличие региональной идентичности и региональной культуры отнюдь не предполагает слияния этносов, напротив, они сохраняют различия и этническое самосознание. Переселенцы остаются в орбите своей культуры, но приобретают региональные и локальные особенности. Трансформируется и культура автохтонных народов. В конечном итоге формируются региональные культуры. Кроме того, идентичность имеет несколько иерархических уровней позиционирования: глобальный, цивилизационный, страновой, региональный, локальный.

Конвергенции этнокультурных групп способствует необходимость адаптироваться в ландшафтах и приспосабливаться к политической и бюрократической государственной системе. В историко-географической ретроспективе межэтническое взаимодействие во все периоды сопровождается адаптацией в этногенезе (по Л.Н. Гумилеву — приспособлением этноса к ландшафту) и происходит по схеме этнос — ландшафт или этнос — этнос ландшафт, что оказывает влияние на стереотип поведения и идентичность. Этносы вне ландшафта и без адаптации в нем не формируются, поэтому схема взаимодействия по типу этнос — этнос возможна лишь в случае, если речь не идет о конкретной территории. Следует, в частности, сделать поправку в связи с развитием современных средств коммуникаций и глобализацией мирового пространства, результатом чего становятся внепространственные процессы и заимствования, проявляющиеся главным образом в распространении технических достижений современной цивилизации, моды, попкультуры. Жилища берберов в пустыне Сахара, сохранившие традиционный вид (будь то пещеры в Матмате либо глинобитные дома без окон в Загуане, более всего приспособленные к знойному климату), оснащены компьютерами, телевизорами, мобильными телефонами и прочими маркёрами западной цивилизации, не говоря уже об автомобилях и иных современных средствах передвижения.

Есть все основания утверждать, что «отношения» между этносами и ландшафтами регулируются комплементарностью, по аналогии с отношениями между этносами. Это важно учитывать при смене

Рис. 1. Жилище берберов в Матмате (Тунис)

Рис. 2. Жилище берберов в Матмате

Рис. 3. Использование камыши в качестве строительного материала, аул Хан Ордасы, Западно-Казахстанская область

вмещающего ландшафта. Если этнос и новый ландшафт несовместимы, то этнос либо трансформируется и ассимилируется (и перестает существовать), либо уходит с этой территории. В этой схеме знак комплементарности облегчает либо осложняет адаптацию. Ландшафты в значительной степени предопределяют или корректируют особенности и динамику быта, экологической, экономической и духовной культуры, представления о времени и пространстве, жизни и смерти.

Попытки переселения горцев Кавказа в советский период на равнину не дали результатов, поскольку они не смогли адаптироваться к новому ландшафту, так же как жители тундры не смогли прижиться в урбанистических или лесных регионах. А вот оренбургские и казахстанские степные и лесостепные ландшафты оказались приемлемыми не только для южнорусских и украинских «степняков», но и для жителей лесной зоны, где складывалась культура большей части колонистов Оренбуржья. В степи, представляющей собой пояс кочевых культур, они вынуждены были приспосабливаться не только к особенностям проживания рядом с иными культурами, но и к иным ландшафтам. К примеру, переселенцам из лесной зоны пришлось искать новые для себя способы строительства и новые строительные материалы (Рис. 3, 4).

Первоначально они сплавляли по рекам бревна, однако постепенно перешли на са- манные постройки, распространенные среди местных жителей, позже — на кирпич. Некоторые этнокультурные группы не смогли адаптироваться в суровом ландшафте сухих и солончаковых степей. Например, евреи, переселённые в регион в годы Второй

Рис. 4. Дом из Самана. Оренбургская область

мировой войны в аул Хан Ордасы нынешней Западно-Казахстанской области, погибли в суровых для них условиях. Представители других этносов сумели приспособиться (Рис. 5).

Комплементарные отношения многих этносов со степью не случайны. Степь была заселена раньше, чем лесная зона, что доказано современными археологическими находками. Степь обеспечивала древних людей всем необходимым для жизни. Лёссы были пригодны для сооружения пещер, овраги защищали от внешних опасностей, биологические ресурсы обеспечивали пропитание (люди занимались собирательством и охотой).

В арабских и других восточных источниках степь от Днепра до Западной Сибири и Казахстана с XI по XV в. называется Дешт-и-Кыпчак (Великая Степь, или Степь кыпчаков). В русском языке слово «степь» появилось уже после монголо-татарского периода, до этого степь называли Диким полем, а кыпчаков — половцами. Степь — беспредельная, загадочная для россиян, до XVIII в. малоизученная, представляет собой месторазвитие автохтонных этносов, которые вели кочевой образ жизни.

Лесные пространства были так же загадочны, непонятны и сложны для жизни степняков, как и степь для лесных жителей. Зимой они жили в аулах, а в летний сезон откочевывали вместе со стадами, используя все преимущества степи. Места кочевий этих народов обычно не пересекались, благодаря чему они избегали столкновений.

Рис. 5. Феодориди, грек, живет в ауле Хан Ордасы

Степь — это вмещающий ландшафт многих современных народов и фактор существенного отличия региональных культур от культур этносов, обитающих в других природных зонах. Степь во многом сформировала региональные этнокультурные особенности и черты сходства обитающих здесь этнокультурных групп. Задимствования элементов культуры, в первую очередь бытовой и экономической, неизбежны в сходных природных условиях. Конвергенция культур — это географическая реальность, несмотря на то, что селились мигранты в разных экологических нишах: оседлое русское и другое земледельческое население — в долинах рек, казахи и башкиры, занимавшиеся кочевым скотоводством, на водоразделах, что отражено в топонимии. Вдоль Урала среди деревень

Рис. 6. В казахстанской степи

Рис. 7. Лошади после тёбенёвки

Рис. 8. Поселение немцев меннонитов озеленено.
Красногвардейский р-н, Оренбургская обл.

с типично русскими названиями неожиданно (на первый взгляд) встречаются казахские и башкирские.

Образ жизни кочевников формировал особый менталитет и накладывал отпечаток на все элементы и особенности их культуры. Зимой они жили в аулах, в примитивных жилищах, ведя полуголодный образ жизни. Табуны лошадей отпускали на тёбенёвку в открытую степь, где они добывали траву копытами из-под снега. За лошадьми на это место гнали рогатый скот, верблюдов, затем баранов. Весной лошади сами возвращаются домой не в полном составе, а в летний сезон люди откочевывают вместе со стадами скота, используя все преимущества степи и ощущая себя ее хозяевами. В настоящее время во многих хозяйствах степных районов Казахстана лошадей, как и раньше, выпускают на зиму пасть в степь.

В Оренбуржье и соседних районах Казахстана ландшафты по обе стороны российско-казахстанской границы сходные, но при продвижении на север степь сменяется лесостепью и лесом, в южном направлении ковыльные степи сменяются полынными и солончаковыми. Степной ландшафт нарушается Рын-Песками, еще южнее степи сменяются полупустынями и пустынями. многообразие природных условий, проявляющееся в особенностях орографии, климата, гидрографического режима, почвы, растительного покрова, природной зональности и т. п., в значительной степени оказывает влияние на систему расселения и эстетические особенности, проявляется в выборе места для поселения, определяет набор строительных материалов, планировочные решения, характер застройки. При единой административной системе двух ныне суверенных госу-

дарств действие ландшафтного фактора сглаживалось, однако после делимитации постсоветского пространства всё больше проявляется различий. Активно в качестве строительного материала применяется саман, из которого строится каркас дома, сверху каркас обмазывается глиной и обкладывается разнообразными отделочными материалами (выбор которых зависит от состоятельности семьи — сайдинг, кирпич, глина). В Казахстане для строительства домов, заборов и надворных построек используют камышовые плиты, представляющие собой натянутые на каркасную основу и связанные между собой стебли камыша, в большом количестве произрастающего на местных озёрах.

Изменения пока мало коснулись крупных населённых пунктов, сохранившихся с советских времён: ведь основные фонды меняются медленно. Принцип регулярной планировки казахских поселений в первую очередь связан с относительно небольшим возрастом населённых пунктов, в момент их возникновения уже был выпущен ряд указов о перестройке деревень, в которых улицы предполагалось делать прямыми и правильным. Однако в Казахстане растёт число дисперсных поселений, что отражает происходящие экономические изменения (развитие фермерства, отгонно-пастбищное животноводство). В некотором роде это — возвращение к прежнему образу жизни.

Не только ландшафты оказывают влияние на формирование этнической культуры, но и этносы видоизменяют их. Этносы вписаны в ландшафт, адаптируются в нём, преобразуют его. Это отражается в специфике культурных ландшафтов, которые, с одной стороны, различаются в зависимости от природной зоны даже в пределах одного этноса. Вместе с тем они имеют этническую окраску в пределах одной зоны даже при наличии сходных природных условий и одного природного материала. Татарские, башкирские, русские, немецкие и другие селения имеют существенные различия в планировке улиц и усадеб, застройке, озеленении. Планировка старинных поселений татар издавна имела узкие кривые улицы с неожиданными поворотами, кучность и гнездовую застройку, что объяснялось обычаем родственников селиться рядом. Для более поздних поселений татар стала уже характерна правильная уличная планировка, однако в ряде мест сохранились прежние традиции. Татарская усадьба была ориентирована входом на восток, а дома ставились внутри двора. Позиции мусульман в регионе были достаточно сильными, поэтому здесь сохранилось обилие восточных декоративных деталей и элементов.

Русские и мордовские селения отличались более правильной планировкой, чем татар-

ские, чувашские и марийские. Неотъемлемой частью мордовского села, так же как и русского, была православная церковь. Чуваши-язычники селились в лесистых местах, позволяющих иметь там свои святыни. Села осевших казахов были небольшими, создавались вблизи пастбищ. В планировке отражалась любовь кочевника к простору и скотоводческая специализация индивидуальных хозяйств: большие приусадебные участки, стога заготовленного сена. Казахские поселения по большей части не озеленены, дрえвесной растительности крайне мало, приусадебные участки в южных районах отсутствуют вовсе, что связано с засушливым климатом. Внутри двора, как правило, располагаются надворные постройки (загоны для скота, бани, туалеты, сараи), расположенные по периметру. До настоящего времени в казахских селах отсутствуют четкие улицы и озеленение. Украинские поселения, напротив, утопают в зелени палисадников, садов и огородов. Селения немцев-меннонитов строились по определенному плану, со стоящими строго по линии в 25 метрах от дороги домами, палисадниками с цветниками и деревьями, защищающими жилище от пыльных бурь.

Обязательны сады и скверы, ухожены поля. А построенные рядом с ними башкирские села имеют улицы (влияние тех же немцев), но в них нет четкости, порядка и зелени.

Культуры в современном мире переплелись и, взаимодействуя, сформировали новое качество антропосферы, мировую цивилизацию, пеструю и мозаичную. В результате сложнейшего взаимодействия «этнос-ландшафт» и «этнос-этнос-ландшафт» сформировались этнокультурные регионы разного иерархического уровня. Среди многочисленных факторов формирования этносов и этнических культур важнейшими являются сходство вмещающих ландшафтов и особенности межэтнического взаимодействия, или, по Ф. Ратцелю, воздействие природной среды и характер сношений [27]. К. Леви-Стросс подчёркивает две противоположные тенденции современного общества: сохранение и даже акцентирование особенностей, и стремление к конвергенции и уподоблению характерны для человеческих общностей. [13, с. 327-238].

Резюмируя выше сказанное, подчеркну еще раз, что ландшафт и культура — две взаимосвязанные, неразрывные сущности, две стороны одной географической реальности. Ландшафт — это условие возникновения этноса, его функционирования, а также формирования региональных культур и поликультурных территориальных комплексов. В свою очередь, культура — мощный фактор образования и трансформации культурных ландшафтов.

Библиографический список

1. Бердяев Н.А. О власти пространства над русской душой // Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века. Судьба России. — М., 1997.
2. Витевский В.Н., Неплюев И.Н. и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. Т. 1-2. Казань: Типо-литография В.М. Ключникова, 1897. 630 с.
3. Гладкий Ю.Н. Евразийское «неудобье» как индикатор природной и социально-экономической специфики России // Изв. РГО. 1998. Т. 130. Вып. 1. С. 21-27; Т. 130. Вып. 2. С. 6-12
4. Герасименко Т.И. Проблемы этнокультурного развития трансграничных регионов. СПб., 2005. 235 с.
5. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. Л.: Гидрометеоиздат, 1990. 528 с.
6. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М.: Книга, 1991. — 574 с.
7. Дергачев В.А. Рубежная коммуникативность // Изв РГО. 1999. Т. 131. Вып. 3. С. 70-76.
8. Дмитревский Ю.Д. Об эволюции этноэкологических процессов // Изв. РГО. 1998. Т. 130. Вып. 2. С. 52-54.103
9. Иванов К.П. Проблемы этнической географии / под ред. А.И. Чистобаева. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1998. 216 с.
10. Исаченко Г.А. «Окно в Европу»: История и ландшафты. СПб: Изд-во СПбГУ, 1998. — 476 с.
11. Козлов В.И. Жизнеобеспечение этноса: содержание понятия и его экологические аспекты. // Этническая экология: теория и практика. М.: Наука, 1991. С.14-43.
12. Крылов М.П. Региональная идентичность в Европейской России. М.: Новый хронограф, 2010. 240 с.
13. Леви-Стросс, К. Структурная антропология. М.: ЭКСМО-Пресс, 2001 — 510 с.183, с 327
14. Леонтьев К.Н. Византизм и славянство // Леонтьев К.Н. Записки отшельника. М.: Русская книга, 1992.
15. Мягков С.М. Социальная экология: этнокультурные основы устойчивого развития. М.:НИИПИ экологии города, 2001. 190 с.
16. Петров К.М. Экология человека и культура. — СПб: Химиздат, 1999. — 384 с.
17. Потахин С.Б. Этнические традиции природопользования // Изв. РГО. 2000. Т.132. Вып. 4. С. 76-79. Потахин С.Б. Этнические традиции природопользования // Изв. РГО. 2000. Т.132. Вып. 4. С. 76-79.
18. Роль географического фактора в истории докапиталистических обществ (по этнографическим данным): Сб. науч. тр. / Отв. ред. В.Н. Богораз, Л.П. Потапов. — Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1984. — 263 с.
19. Смирнягин Л.В. Территориальная морфология российского общества как отражение регионального чувства в русской культуре // Региональное самосознание как фактор формирования политической культуры в России. М.: Изд-во МОНФ, 1999. С. 108-115.
20. Сорокин П.А. [Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. — М.: Прогресс, 1992. — 543 с. 306.
21. Тойнби А. Цивилизация перед судом истории. — М.: Прогресс — Культура, 1996. — 480 С.327
22. Чистобаев А.И., Хрущев С.А., Громова Ю.В. Л. Н. Гумилев и этноценозы Российского Севера // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 7. 1994. Вып. 2. С. 40-45.
23. Ширинкин П.С. Географическое исследование этнических систем и этносоциальных процессов в биосфере планеты: Автореф. дис. ... канд. геогр. наук. Пермь, 2000. — 19 с.
24. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Ч. 1. Гештальт и действительность. — М.: Мысль, 1993. — 663 с.
25. Хаггет П. География: синтез современных знаний. М.: Прогресс, 1979. 684 с.
26. Cashdan E. Ethnic diversity and environmental determinants: effect of climate, pathogens, and habitat diversity // Amer. Anthropologist. — Wash., 2001 — Vol. 103. № 4. p. 968-991.
27. Ratzel F. Anthropogeographie. Stuttgart: J. Engelhorn, 1912.